

Inesa Kuryan <https://orcid.org/0000-0001-8265-2149>

Akademia Humanistyczno-Ekonomiczna w Łodzi

e-mail: plucha@mail.ru

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ANDRIEJ MOSKWIN, *LITERATURY BIAŁORUSKIEJ RODOWODY NIEPOKORNE* (UNIWERSYTET W BIAŁYMSTOKU, BIAŁYSTOK 2019, SS. 238)

В 2019 году в серии „Культурное наследие Беларуси” в польском городе Белостоке вышла книга известного литературоведа и театроведа, профессора Варшавского университета Андрея Москвина *Literatury białoruskiej rodowody niepokorne* («Литературы белорусской отважные начала»). Книга долгожданная и наполненная редкими материалами и архивными данными. Уже осуществлен ее перевод на русский язык, который готовится к печати, думается, не за горами и белорусский.

Рецензирование данной монографии на фоне многих трагических событий последних лет, начиная с 2020 года, порождает новые комментарии и, быть может, для самого автора меняет направление восприятия того комплекса понятий, из которого сложилось на данный момент белорусское литературное наследие.

Лично мне, филологу из Беларуси, пропустившей через себя много трагизма последних лет, коснувшегося каждого, сегодня противоречивым показалось такое понятие в предисловии издания, как «неповторимая идентичность белорусского народа», которую этот народ выделил, взращивал последние столетия, и за которую должен был сражаться, в том числе и пером, укреплять ее, укрепляя и свой государственный суверенитет, впервые законодательно данный этому народу в 90-е годы XX века.

Мои пессимистические рефлексии – отнюдь не вина автора монографии, который с первых страниц со всей благожелательностью обращался к теме белорусской

«ниши» в кругу мировых культурных ценностей, взывал к читателям и специалистам, чтобы Беларусь заявляла о себе громче, обладая примерами «литературы высшей меры». Но история снова и снова совершала свой жестокий виток, и для многих белорусских писателей литературная нива трагически заканчивалась «высшей мерой наказания».

Современные белорусы ярко проявляют свой патриотизм, доводя его порой до патриотической самозабвенности, старательно созданной из искренней, но и искусственной атрибутики. Монография Андрея Москвина словно вскрывает этот механизм – острой потребности поколений белорусов в сильных гражданских чувствах и хронический вывод их на стереотипность, отсутствие четкого осознания цели и готовности к неизбежным трудностям, предпочтительный выбор позиции ведомого.

Не из замечаний автора исследования, а из объективных выводов на его материалах, путь белорусской литературы всегда укладывался в трагическую колею. Новаторству было предпочтено подражательство, патриотизму – патриотический пафос, литературе – формальный литературный процесс.

Монография упоминает полемику 1913 г. о задачах белорусской литературы, где сами дискутанты в одухотворенный «народный» период, еще до крушения мира в первую мировую войну, принимая вполне позитивно свою привязку к российской модели, фактически оговорили первую систематизацию белорусской литературы. Лявон Гмырак, написав в своем эссе «Вернемся к вопросу возвращения долга» («Ешчэ аб сплачываньню доўгу», «Наша Нива», №33, 1913, с. 1–2), отметил, что на начало XX века белорусская литература прошла два этапа развития: сентиментальное народничество и реализм. Это означало, что белорусская инициатива по общим тенденциям того времени, начиная со второй половины XIX века, ставила перед собой задачу обучать и воспитывать простого человека, пояснять, как вести себя в новых реалиях, помогать в борьбе за свои права, развивая в том числе и народные литературные таланты. Ведь еще по общеевропейской модели создавался белорусский «Молодняк», например, как «Młoda Polska» (рус. «Молодая Польша»), что могло бы «синхронизовать» начала белорусской литературы с международными литературными тенденциями, но этого не произошло.

В начале XX в. речь, конечно же, шла о белорусском становлении, о пробуждении «мужыка з адвечнага сну», а не о надуманном позже «ренессансе белорусскости». Свои надежды на это пробуждение тогда выразил и молодой литератор Янка Купала: «Народ не будет спать вечным сном. [...] Наступят времена, и наш белорусский народ проснется, и все как один, сплоченно, начнут строить новую, счастливую жизнь» («Наша Нива», №30, 1913, с. 1). Оживить, дать воспрянуть духом, пробудить интерес к жизни простому человеку, ответственно назвав все это Беларусь. Но о каком оживлении народной жизни можно было говорить, если знания о себе “названным белорусами” были ограничены, если трудности не преодолевались, а нарастали, если интерес и участие в публичной жизни, как отмечал в своих лагерных мемуарах Франтишек Аляхнович, наказуем годами тюрьмы, а тот, кто до сих пор не включился в процесс социалистического строительства либо выразил малейшее недовольство по поводу успехов Страны Советов, мог оказаться виновным до расстрела.

К сожалению, белорусскому выбору начала XX века предстояло разделить общую судьбу с восточной соседкой, которая на определенном этапе привлекала молодых белорусов своей «просвещенностью» и искренним «народничеством». Однако, вместо самостоятельной регуляции своих национальных и языковых интересов белорусское становление раз за разом сталкивалось с нагнетаемым комом культурных обязательств сначала перед русским имперским, потом русским советским старшим братом. Культурная дань выбранному белорусами покровителю стала комом невероятной горечи. Под «развесистой клюквой белорусскости» у доверчивого народа развивалась любовь к родине, но с удивительным финалом – обязательными экзекутивными мерами. Пробуждение, эвакуация и осознание того, что ты все равно живешь на чужбине, в малой как камера квартирке, где даже детям твоим нет места, поэтому их забирают в приют – разве не прочитывается это белорусское отчаяние в пьесах Максима Гарецкого, судьба которого – расстрел «за освобождение Беларуси».

Мы читаем об этой предопределенности жизненных обстоятельств «только открывших от сна глаза» белорусов в летописи нелегкой судьбы Франтишека Аляхновича, который со светлыми белорусскими надеждами и романтикой жителя Вильна вступил в «браму» советской Беларуси, и она для него закрылась лагерным железным звоном, он же, сам того не желая, заполнил сознание мирового читателя «белорусским мраком», который сгущался еще не раз, и редко кому удавалось вырваться из «когтей ГПУ». Каков ужас этой прогрессии в судьбе белорусских народных мечтателей – от поездки на поезде Витебск – Минск, от судилища в минской тюрьме, до Соловецких островов за далекими пределами своей малой родины, которой посвящалась и жизнь, и творчество. Вот такой удивительный размах! Зерно посеяли на родной земле, а пожали на окраинах России. И этот алгоритм, увы не сломлен, и соотечественникам, бредущим в том же направлении, стало привычно горестно склонять головы и ставить кресты вдоль дороги.

Подобное отчаяние сопровождало творчество пронизительного мыслителя Алеся Адамовича, который войдя в «белорусское военное подсознательное», вскрыл такие «черные» напластования и отчужденность от пульсирующей красоты мира, что предпочел перевести это на профилактически выверенные советские военные шаблоны. И снова Беларусь утонула во мраке своей судьбы. Белорусские повести войны Алеся Адамовича, каждая в отдельности, как по мановению палочки сверху, опять были собраны в единый военный жуткий ком, где все одинаково несчастны в героической борьбе советской родины. Снова и снова этим людям непозволительно было думать о себе, о своем несчастье, о своей войне. Им снова громко и четко обозначили друзей и недругов. Трудно объяснить, почему белорусская военная трагедия во всем ее brutальном натурализме превратилась в советское идеологическое неистовство прекрасного «белорусского философа войны» Алеся Адамовича. Да, белорусам дано право назвать своим Адамовича, но кто из них сегодня вырвал из его превращенной в советскую агитацию литературы жестокие ошибки белорусского пути? Кто разобрался, что трагедия блокадного Ленинграда всё же не сопоставима с трагической судьбой Варшавы сороковых годов,

как и не равна военной судьбе оккупированного Минска. Адамович, к сожалению, будто застыл в широте этих монументальных советских взглядов.

Равно как предметом гордости почему-то являются строки, что в творчестве писателя Василя Быкова «поднятая им проблематика носит не локальный, а общечеловеческий характер», а ведь сам факт изображения в военной прозе «одного малого фрагмента действительности», а не всей эпической картины войны, как раз свидетельствует о «локальности» Быкова, о высказывании той самой ценной мысли, что у каждого солдата есть своё «Я» со своей личной «каплей человеческого» в этом объемном, тяжелом, возложенном на его плечи «общем». И хорошо, что польская критика не искала, как показывает монография Москвина, идеологической подоплеку в знаменитой «Альпийской балладе» Быкова, где сплелись австрийские, югославские и украинские перепетии конца второй мировой войны, а всё-таки в памяти читателя осталась вечная любовь белорусского Ивана и итальянки Джулии среди суровых Альп. Замечательно, что польский взгляд заметил христианский путь страдания и веры в сухой и лаконичной прозе Василя Быкова, воплощенном в отчаянном побеге его героя из концлагеря.

Кто из читателей своего великого земляка ассоциирует название повести «Пойти и не вернуться» не с боевым заданием времен войны, а истинно экзистенциальным вопросом для белорусов – уходом от себя и сложностью возвращения? Для меня, пожалуй, главным посылом Быкова, вынесенным из его военной прозы, является и то, что как бы ни была жестока и бессмысленна ситуация, в которую попал человек, его задача – сохранять самообладание и достоинство, присущее ему лично, а не передаваемое в угоду другим, что собственно и удалось реализовать белорусскому писателю Василю Быкову.

Книга профессора Андрея Москвина приобретает ценность благодаря тщательному исследовательскому наблюдению за процессом именно поиска выхода из фатальной заданности белорусской судьбы, который предпринимала в том числе литература. Но соотечественники только ставили памятники с табличками, зажигали траурные лампадки, а туман истории оставался, мало того, он буквально сгущался на глазах, ведь после выхода данной монографии в 2019 году, случился и год 2020, и 2022.

Даже на относительно подъеме 2019 года никак не сложилась картина радужного белорусского пути в перспективе. Остался горький вкус искусственного возрождения, который сопровождал ведомый народ под любой вывеской – будь то «БССР» или «Белоруссия». К сожалению, не покидает чувство определенной направленности этого процесса, где, получается, изначально не было почвы для свободы творчества.

«Брести по этапу и не плакать» – вот схема белорусской литературы? Книга словно показывает, что ее родовой выходит неизменно на те самые трагичные пункты, от которых думающие белорусские авторы пытались так отчаянно убежать. Белорусское начало, его истоки, многими воспринимаемые с оптимизмом, увы, напоминают место, куда мы забрели по ошибке, порой и не имея выбора пути. Тогда белорусское национальное возрождение – печальный миф, начинавшийся

вполне оптимистичным белорусским становлением, но обратившийся именно в тяжкий путь заблуждений, а не всплеск удач. Это бесконечность страхов грозных наказаний за элементарные человеческие позиции. Нет никакого возрождения, а есть требование следовать заданной схеме, упирающееся в чужеродную соседскую культуру, вышедшее из чужеродной соседской древности.

Как бы я назвала эту книгу? «Бурливые истоки заблуждений литературы белорусской». И так получилось, что в ней я прочла не про «успешность белорусского возрождения», а о том, как был начертан белорусский проект с „узлами контроля” и продуманным „механизмом идеологического подчинения”. Видимо, пришло время для оценки его реализации и перспектив вместе с именами, биографиями и творчеством белорусских авторов. В таких раздумьях я переворачиваю последнюю страницу данной монографии профессора Москвина. И благодарна автору за точную «карту местности», которую многим стоит изучить и найти выход.